

ОЛЕГ ДОРОГАНЬ

АФОРИСТИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ ИВАНА ПЕРЕВЕРЗИНА

Афористичность – лучшее доказательство мастерства писателя.

По блестящему афористическому слогу легко определить уровень подготовки писателя к профессиональной работе, увидеть, насколько широки и мощны его крылья для высшего творческого пилотажа.

Талант плюс богатый жизненный опыт – без них глубин афористических не достичь. И это только два кита. Третий кит, на котором стоит добротный афористический слог, – это неустанная работа, когда “душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь” (Н. Заболоцкий).

И если автор – поэт, то не удивительно, что он стремится к афоризмам, соответственно, облечённым в поэтическую форму. И это проявляется не только в тяготении к зарифмованности, но и в лирическом подходе к смыслам.

Иван Переверзин собрал все свои размышления-афоризмы, и они сложились у него в новую романную форму. Поэт, прозаик, романист – он стал собирать все свои афористические выражения в один цикл. Их набралось у него поначалу полторы тысячи. И он задался целью создать весомую добротную книгу, этапную для его творчества, включающую в себя все его сокровенные думы о любви и поэзии, о жизни и смерти, о путях России и месте поэта в её судьбе.

Известно, что без любви роман не может быть полон. И когда у поэта всё пронизано любовью, тогда и афоризмы – как маленькие планеты – вертятся вокруг основного смысла-солнца. И любовь у него именно то смысловое солнце, которое живёт в области сердца поэта.

Любовь к женщине – страстная и нежная, потаённая и явная – постоянно прорывается в афористических раздумьях Ивана Переверзина: “ещё надо крепко подумать, какая любовь сильней: та, что чувствуешь телом всем, или та, которой пылаешь душой всей”.

Однако прежде чем крепко подумать, надо пересилить страсть. “Любовь – зряча! Страсть – слепа!”. И далее: “Страсть настолько быстротечна, что не успевает укорениться в сердце, в отличие от сильной любви”. А вот ещё о слепоте любви совершенно по-своему: “Порой любовь такой слепой бывает, что смерть свою не замечает”.

Любовь у поэта – сакральное святотатство. “Совершив грех, я полюбил тебя такой сильной любовью, на которую не способен святой!” – пишет он как человек, одержимый безумством любви, уже зная из опыта, что без известной доли безумия не может быть ни любви, ни творчества. Собственно, и грех

у поэта особого свойства, он вовсе не их тех, за которые надо раскаиваться, отмаливая прощение перед Господом.

Понятие греха у поэта — тоже одухотворённая категория. И сам перед собой он остаётся честен: “Бороться с зовом мужской плоти, равно как и женской, всё равно что убивать жизнь!” А с другой стороны, он вполне изведаль, что “без духовной любви физическая не больше, чем работа”. И он старается не потерять контроль над своими чувствами: “Одержимость в серьёзном деле похвальна, если, когда надо, удержима”.

Конечно же, такие рассуждения не могли возникнуть без жизненного опыта, без пережитого. А “жизнь, как женщину, прежде чем всерьёз желать, надо сполна завоевать”. И завоевать право на женщину-избранницу — это вполне в духе лучших традиций жизни. Их и придерживается поэт.

Ну, а когда завоеешь, тебя могут подстеречь новые опасности. И размышления об этом не оставляют поэта. Ими он пытается убеждать себя, и всякий раз в его душе возникают противоречия. Их он преодолевает, и о любви у него уже вне всякого сомнения сказано: “Любовь не награда, чтобы её заслуживать”. Конечно, любовь — самое искреннее и бескорыстное чувство, и обычно любят не за что-то, не за какие-то заслуги или привилегии, а просто любят — и всё.

А сомнения всё равно возникают, и любовь-страсть в том мире, где законы диалектики в действии, обычно оборачивается своими противоположностями: то страсть затмевает любовь, ослепляет и оглушает все чувства, вызывая к жизни ревность (и тем самым изводит себя), то любовь гармонизирует страсть и становится целомудренной, внимательной и бережливой: “Ревность кричит: уходи! Собственничество просит: останься! И любви ничего не остаётся, как горько молчать!”

Вот и супружеская жизнь становится не столько счастливой судьбою для влюблённых, сколько жизненным испытанием для них. “Когда не отвечает больная жена — это вызывает тревогу! Когда не отвечает здоровая жена — это наводит на подозрение”.

И всё же в ней, в этой жизни вдвоём, “ощущение участливого присутствия любимого человека делает нас не менее счастливым, чем сама любовь”.

А в итоге, судя по жизненному опыту поэта, “чаще всего человек, горячо полюбив другого человека, в конце концов, получает не заветное счастье, а тяжёлое страдание, оборвать которое может лишь смерть”.

Как у многих рядовых людей, и у поэта любовь не без ревности, подозрений и измен, не без крестных мук. И всё же он старается быть выше других: и “если сердцем прощать измену, то так, чтоб и душой не помнить”.

Борьба внутри поэта не прекращается, а в любви не всё складывается. И, понимая, что над собой полная победа не достигнута, он невольно восклицает: “Прости, что не хватило сил простить!” И он на себе познал, что “когда ожидание прощения дорогого человека становится невыносимым, к нему зарождается если не ненависть, то равнодушие”.

Эти стороны, на первый взгляд, противоречат друг другу, но в итоге сливаются в единстве: “Есть в женской красоте такая нежность, что усмиряет всякую мятежность”.

А полной гармонии достичь уж очень непросто, почти невозможно. Ну, и абсолютная любовь, если она и есть, приводит к своей оборотной стороне. Очевидно, и поэт испытал это на себе: “Невыносимо стать для женщины рабом, которая тебя считала богом”, — это явно из пережитого и выстраданного, словно запёкшегося в слова.

Мы-то, мужчины, привыкли повелевать. И готовы считать свою женщину королевой, но при условии, если она не выше нас. Не потому ли до идеальной гармонии так далеко, как до горизонта, что вечно отодвигается, отдаляется? И недаром у поэта постоянное ощущение, что “когда любишь свою женщину страстно, то словно теряешь её ежечасно”.

Приобретенья таятся в потерях, — и поэту, пожалуй, это известно лучше других, вот он и пишет: “Человеку всегда чего-нибудь да не хватает, словно он только и делает, что теряет”.

В любви поэт не может не считать себя первым, иначе перестает себя чувствовать поэтом: “Не для того ли, чтоб сильнее любить, во всём хотел я первым быть”.

Время от времени он не забывает делать признания своей возлюбленной. Однако и в признаниях то и дело обнажаются обратные смыслы: “Прости, я

слёз твоих не стою, а ты не стоишь радости моей. Вот каждый и живёт собою на сквозняке и стуже дней”.

И здесь открываются, обнажаются бездны, под которыми по-тютчевски “хаос шевелится”.

Пережитое не отпускает, но поэт увещевает себя, убеждая освободиться от его груза: “Совсем не мудро жить горьким прошлым за счёт настоящего, которое можно сделать прекрасным”.

Диалектику чувств, когда противоречия разрывают душу, поэт пытается привести в гармонию. И разрешение противоречий делает его хоть как-то защищённым. “Не для того поёт душа, чтоб сердце плакало навзрыд!”

Душа у поэта ценится выше всего, она поистине бесценна: “Жизнь дорожает, смерть дорожает, но цену свою душа не теряет”.

Ещё Лев Толстой писал о диалектике души, явно понимая, что на земле до небесной метафизики ей далеко и высоко. Не оттого ли и был присущ ему такой глубокий и тонкий психологизм в его произведениях...

Вот и здесь афористичность служит раскрытию диалектики души, а “душа не имеет ни глаз, ни ушей, тем не менее – и остро слышит, и глубоко видит! Это не великое чудо, а одна из многочисленных тайн неба!”

И с этим таинством поэту приходится соприкасаться постоянно.

В нём каждый отклик на боль требует глубокого уяснения, чтобы хоть как-то облегчить для себя участь. Ведь он-то хорошо знает, что “страх потери близкого человека делает любовь к нему сильнее”. И только неустанное стремление к гармонии чувственного и духовного, телесного и небесного позволяет ему открыть вселенский код в любви: “Пускай Вселенная мгновенно сужается до наших губ”.

Концы смыкаются с началами, устья ведут к новым истокам – и рождаются новые вселенские миры в душах людей, одухотворённых любовью. Поэт как никто это знает, и душа поэта проходит через все тернии и выходит к своим звёздам. Вспомним А. С. Пушкина: “Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман”.

А что такое полная победа над собой? Особенно в любви. Не ведёт ли она к самоуспокоению, к тупику достигнутой вершины? Наверное, всё-таки ведёт. “Порой любовь заканчивается так, словно никогда и не начиналась”. Поэтому никогда нельзя признавать до конца, что ты полностью одержал победу, а вместе с тем и себя победил. И вполне нормально, когда стремление к полной победе сопровождается радостями маленьких побед и горестями мелких неприятностей и неудач. Главное, чтобы воля к победе не затухала – и не сходила с избранной стези. А то ведь бывает, что “ожидание любви бывает таким тяжёлым, что радоваться её приходу не остаётся сил”...

Так у поэта и в повседневной борьбе, и в любви, когда любовная победа намного многограннее и глубже, чем это обычно принято считать: “Любовь к тебе, накрывшая душу, как наводнение, на самом деле стала для меня спасеньем”.

В любом случае, любовь у поэта всегда настоящая, всегда прощающая: “В настоящей любви не может быть навек виноватых, поскольку она животворяща, как солнечный свет”.

Невзирая ни на что, он не теряет жизнеутверждающих чувств, и патетика у него обладает духоподъёмной силой: “Ни у одного чувства, которые присущи человеку, нет таких мощных крыльев, как у вечной любви!”

Ум без души, а душа без ума – эти изъяны зачастую проявляются в произведениях рифмоплётов. И, понимая это, поэт делает для себя вывод: “Считать себя умнее всех, конечно, можно, но как это в глазах людских ничтожно”.

И если максимы его могут быть категоричны, то ироничный контекст снимает с них налёт пафоса: “Не думать о создании благоприятных условий для работы гениального мужа может только жена, глубоко наплевавшая на будущее человечества”.

О знакомом поэте-собрате он пишет с лёгкой иронией: “Жил с ощущением своего невиданного взлёта! И стал бы великим, если бы ещё и работал”.

А если слишком высоко занестись и смотреть на всех свысока? Таких себялюбцев поэт видит насквозь: “Самолюбие, как яркая вспышка электросварки, так ослепляет человека, что он даже самого себя не видит”. Жизненный путь поэта – его стезя, и он обязан помнить, что её “жизнь не увидит из окна сквозь ночь летящего вагона”.

А вот мысли о психологии творчества: “Писатель от природы, как дитя материнским молоком, питается глубоко пережитым в прошлом, чтобы быть счастливым в настоящем!”

У честных мыслителей немало мыслей о молчании и одиночестве. Свои представления об их глубинных смыслах и у Ивана Переверзина. “Ну, почему в молчании глубоком душа от боли разрывается жестоко!”

Одиночество и молчание – неизбежные состояния, которые порождают всё новые и новые мысли, облакаемые в афористическую форму. “Одиночество глубокого молчания обрекает душу на страдания”. Откуда возникают? “Человек молчит не потому, что ему нечего сказать, а потому, что его, слушая, не слышат”.

Люди творческие особо остро переживают одиночество. Даже находясь в кругу семьи или в компании друзей, их может не покидать чувство потаённого одиночества. Добавляет одиночества им и тяга к уединению для творческой работы.

Творческий человек ищет одиночества для работы, но оставаться одиноким по судьбе, чувствовать себя никому не нужным сиротой, нелюбимым и невостребованным, выше наших сил.

“В таёжном долгом одиночестве любая птица кажется родной”. Не в таком ли одиночестве таёжном поэт ещё смолodu испытал свои “радости жизни”? “Северный сорокаградусный мороз отличается от южной жары тем, что заставляет во имя своего спасения двигаться, и ты невольно совершаешь такие большие дела, о которых на юге и не мечтал бы”.

Выход из одиночества возможен благодаря любимой женщине. И здесь очень важно не обмануться в ней, в противном случае одиночество будет ещё тягостнее, ещё невыносимее.

Иллюзия супружеской идиллии ещё тешит поэта мечтами и надеждами, но рано или поздно он, умудрённый жизнью, делает вывод: “В жизни уставших друг от друга супругов есть такая грань, за которой лучше молчать, чем говорить”.

Широк диапазон чувств поэта живущих временами года: осень – “когда опадают листья, похожие на сердца, то на душе словно ощущение конца”.

Осенняя настроенность сменяется более суровыми настроениями, которые будто вторят погоде, а погода им. “Когда в душе лишь снег и холод, то даже в двадцать звонких лет ты словно бы навек не молод, что верить в счастье смысла нет!”

Впрочем, и в мурастях непогоды поэт умеет разглядеть что-то для себя утешительное: “Сгребают снег с лица земли, и надо же – она не плачет. Как будто вьюги намели ей неизменные удачи”.

Но удары судьбы чаще всего исходят не из капризов стихии, а из рук человеческих. “Успешному человеку врагов заводить не надо, они сами, как грибы после дождя, растут”.

Мотив борьбы с недругами по мировоззрению не оставляет поэта в покое, так как схваток в жизни у него с ними было через край. И поэт убеждает себя: “Прежде чем с врагом схватиться в схватке, положи все опасенья на лопатки”.

Честной борьба далеко не всегда получается, она сопровождается интригами и кознями, через которые поэт проходит в своём хождении по мукам: “Нападать на лежачего – значит признавать, что он не только духом крепок, но и телом силён”. И неожиданно для себя он “переделывает” народную пословицу: “Счастлив не тот, кто смеётся последним, а кто никогда не плачет”...

О чём бы ни размышлял поэт, в основе его размышлений всегда любовь.

Любовь для него божественный сакральный дар. Она не возникает ниоткуда, а приходит неожиданно, незначай. И в свете любви его посещают мысли о божественном устройстве мира. В чём-то они связаны у него с кантовским нравственным законом, отразившемся в звёздном небе, что представляет собой образ вселенской справедливости.

“Как всякий человек, я родился с Богом в душе, но называется он совестью!” И разговор у поэта со своей совестью – это и разговор с Богом...

Только собственная совесть – увы, не для всех со-весть. Далеко не всегда добьёшься взаимопонимания в мире людей, особенно там, где в нём больше звериного, нежели людского.

Пока не прекратились войны, мы продолжаем жить в мире тревог и опасностей, и по достоинству оценивать жизнь, теряющую ценность: “Только заглянув смерти в глаза, можно понять, что жизнь бесценна!”

Раздумья о смысле жизни приводят поэта к самым неожиданным суждениям: “Человеческая жизнь, как велосипед, даётся нам напрокат, значит распорядиться ею мы вправе лишь в рамках этого”... И, по всей видимости, не случайна у него такая мысль: “Воевать с судьбой всё равно, что с собой”. Вероятно, воевать с судьбой и с собой у него может означать побеждать себя, а не покорствовать своим слабостям.

Кто-то из писателей может напрокат впустую прокатать всю свою жизнь, а кто-то написать и издать многотомное собрание своих сочинений, как это сделал Иван Переверзин.

И чувствуя, что наступает время подбивать итоги, он спешит: “Жизнь пронеслась, как пуля у виска, но ведь не в безызначность, а в века!”

Размышления о смыслах жизни и смыслах смерти у него не отвлечённые, не самоцельные, а вызваны горькими событиями жизни. “За двадцать секунд, пока не билось моё сердце, я ничего, кроме тьмы, не увидел в смерти”. “Говорят, что умереть можно только раз! Может, для кого-то это и так! Но мне, воскресшему, придётся умереть ещё раз”.

Все мытарства и страдания, болезни и операции, через которые пришлось пройти поэту, отражены в его заметках: “В смерть глупо верить перестал лишь потому, что она, когда он ждал её, не пришла к нему”.

Со смертью, вернее, со смыслом смерти у поэта, знающего цену смыслу жизни, свои счёты. У него неизменно побеждает жизнь, а посему: “Ждать смерть свою – быть трусом от рожденья”.

Сообщающиеся сосуды этих смыслов у него постоянно перетекают друг в друга, особенно, как это в жизни и происходит.

“Страх усиливает жизнь, а отсутствие страха ускоряет смерть”.

“Обидней не жить в горести, а умирать в радости”.

“От жизни можно сильно устать, но не настолько, чтобы отказываться от неё”.

“Не всегда восставший из смерти способен возвратиться в жизнь”.

“Борьба со смертью отнимает много сил, но память о любви быстро восстанавливает их”.

Эти неустанные раздумья позволяют поэту судить и оценивать своё место в мире, “между миром и Богом” (Ю. Кузнецов), а с ним и своё местонахождение между жизнью и смертью, особенно после того, как побывал – и не раз – в пограничном состоянии...

О жизни и смерти, об их диалектическом единстве поэт не перестаёт вспоминать ещё и потому, что утрат среди родных и близких, друзей и знакомых пережил он слишком уж много. Горечь утрат наложила на него свой неизгладимый отпечаток. И смыслы смерти он как бы примеряет на себя в поисках выходов из них:

“Простившись с жизнью, но не умереть, как будто заново родиться”. И своим спасителям он знает цену: “Врач, вылечивший человека, который должен был умереть, – Бог!”

А если снова он разочаровывается в чём-то: “Как будто жизнь досталась мне на сдачу, я вновь и вновь душою горько плачу”, – он не предаётся унынию, и духоподъёмная сила спасает его: “Восстав из горя, в радости высокой я крылья расправляю, словно сокол”.

Переступив новый юбилейный порог жизни, поэт невольно сравнивает свой возраст с возрастом рано ушедших из жизни классиков – и сетует: “Уход великого поэта, сколько бы он ни свершил, всегда будет преждевременным”. И старается найти для себя спасительный вывод: “Гении живут ровно столько, сколько им надо, чтобы выплеснуть на бумагу заложенную в них небом сущность”. И в рассуждениях о гениальности поэт старается понять, что побуждает его к действию: “Гениальность, как всякая сила, заканчивается, если её не подкреплять волей”.

Всё познаётся в сравнении, и в афоризмах мы стараемся найти такие сравнения, как утешительные призы. Вот и он такие находит: “В молодости чем чаще задумываешься о старости, тем больше от жизни получаешь радости”, “Не так уж и горестна старость, когда душа юной осталась”.

Юность и старость в судьбе – как два крыла, и уравнивает их неизбежная диалектика, жизни: “В юности жизнь наивно кажется бесконечной, а в старости чересчур быстротечной!”

Уникальная и особая значимость афоризмов проявляется в том, что они обычно завершаются неожиданно. Недаром в народе афоризмы чаще всего называют словесными оборотами. Неожиданный оборот или поворот смысла и делают их, что называется, крылатыми выражениями: начало и концовка у них – как два крыла, благодаря которым они могут облететь весь мир.

А ведь далеко не всем прозаикам-романистам, в том числе из когорты классиков, удавалось достичь неожиданного эффекта парадоксально завершаемой “оборотной” мысли.

Но Иван Переверзин хорошо чувствует природу такого рода словесных оборотов, где играет живое слово, смыслы лучатся светом истины и доброй улыбки, радостной или грустной; в них отражаются чаянья народные о справедливости, или о ладе, на которых всё строится и осознаётся.

Одна из важнейших особенностей афористических раздумий Ивана Переверзина – в их приверженности к русским смыслам, их близости к народному духу и народному бытию. Как поэт он чаще всего старается их зарифмовать, чтобы они звучали как присказки, присловья, приговорки и были ещё ближе людям из народа.

Тайны бытия влекут поэта и не дают успокоения, отливаясь во всё новые поэтические и афористичные строки. И он отдаёт себе отчёт в том, что жребий его измерен: “Никто не в силах предсказать, как долго мне дано писать. Об этом правду Бог хранит, но ведь молчит о ней, молчит”. Что бы там ни было, Иван Переверзин никогда не теряет жизнелюбия, всегда лелеет надежду и выражает веру в то, что “слова, пришедшие свыше, не могут уйти в безызвестность”.